

ОБРАЗ ИМПЕРИИ В РУССКОМ ИСТОРИОСОФСКОМ СОЗНАНИИ: ОТ СЛАВЯНОФИЛОВ К ЕВРАЗИЙЦАМ

Д. В. Семикопов^{1,2}, А. А. Захряпин¹, И. А. Лебедев³

¹*Исторический парк «Россия – моя история», Нижний Новгород, Российская Федерация*

²*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

³*Епархиальный центр подготовки церковных специалистов Чувашской митрополии,
Чебоксары, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются особенности трансформации исторического образа империи в отечественной интеллектуальной традиции. Анализируются воззрения таких мыслителей, как М. Н. Катков, Ф. И. Тютчев, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, К. Н. Леонтьев, П. Б. Струве, М. О. Меньшиков, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой и прочие. Представлена типологизация и анализ ключевых образов империи в русском историософском сознании, а именно: европейского, византийского и евразийского.

Материалы и методы. Основным материалом данной статьи являются исследования следующих авторов: Л. Е. Шапошников, О. В. Парилов, С. Н. Пушкин, В. М. Лурье, А. К. Толстенко, Р. Р. Вахитов. В представленном исследовании применялись следующие методы: системный анализ, философский анализ, интерпретация, сравнение и синтез.

Результаты исследования. В статье рассмотрена эволюция образа империи в русском историософском сознании, начиная от триады графа С. С. Уварова, идей М. Н. Каткова и славянофилов, заканчивая евразийскими концептами П. Н. Савицкого и Н. С. Трубецкого. На протяжении развития идеи империи были сформированы три основных ее образа. Первый – европейский, в рамках которого Российская империя воспринимается как одна из европейских держав, претендующих на свой кусок «мирового пирога». Этот образ вполне логично меняется от абсолютистско-самодержавного к либерально-национальному. Второй образ – славянофильский. Будучи абсолютно монархическим, он рассматривает Россию во главе с православным императором как наследницу Византии, наделенную особым мессианским статусом. Третий образ – евразийский (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой). Он представляет собой образ «пересобранной» империи, прошедшей глубинные изменения в результате революции. Евразийцы уходят от образа вселенской империи к образу самодостаточного «государства-материка», сохраняющего свою самобытную цивилизацию, основанную на православии. При этом они активно используют славянофильскую категорию соборности, перенося её из сферы богословия в национальную и культурную политику. Евразийцы провозглашают принципиальное равенство национальных культур и их единство в соборной России.

Обсуждение и заключения. Авторам исследования удалось провести систематический историко-философский анализ эволюции образа империи в русском историософском сознании, начиная от славянофилов, заканчивая евразийцами. Был осуществлен анализ трех

основных образов империи, сложившихся в ходе развития в отечественной мысли, а именно: европейского, византийского и евразийского.

Ключевые слова: империя, евразийцы, историософия, национальная идея, славянофилы, православие, Европа, соборность, византизм

Для цитирования: Семикопов Д. В., Захряпин А. А., Лебедев И. А. Образ империи в русском историософском сознании: от славянофилов к евразийцам // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-4-12.

THE IMAGE OF THE EMPIRE IN THE RUSSIAN HISTORIOSOPHICAL CONSCIOUSNESS: FROM SLAVOPHILES TO EURASIANS

D. V. Semikopov^{1,2}, A. A. Zakhriapin¹, I. A. Lebedev³

¹Historical Park "Russia – My History", Nizhny Novgorod, Russian Federation

*²Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

*³Diocesan Center for Training Church Specialists of the Chuvash Metropolis,
Cheboksary, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The article examines the peculiarities of the transformation of the historical image of the empire in the national intellectual tradition. The views of such thinkers as M. N. Katkov, F. I. Tyutchev, I. V. Kireevsky, A. S. Khomyakov, Yu. F. Samarin, K. N. Leontiev, P. B. Struve, M. O. Menshikov, P. N. Savitsky, N. S. Trubetskoy and others are analyzed. The typologization and analysis of the key images of the empire in the Russian historiosophical consciousness, namely: European, Byzantine and Eurasian, is presented.

Materials and Methods. The main material of this article is the research of the following authors: L. E. Shaposhnikov, O. V. Parilov, S. N. Pushkin, V. M. Lurie, A. K. Tolstenko, R. R. Vakhitov. The following methods were used in the presented study: system analysis, philosophical analysis, interpretation, comparison and synthesis.

Results. The article examines the evolution of the image of the empire in the Russian historiosophical consciousness, starting from the triad of Count S. S. Uvarov, the ideas of M. N. Katkov and Slavophiles, ending with the Eurasian concepts of P. N. Savitsky and N. S. Trubetskoy. During the development of the idea of empire, three main images of it were formed. The first is the European one, in which the Russian Empire is perceived as one of the European powers claiming their piece of the world pie. This image quite logically changes from the absolutist-autocratic to the liberal-national. The second image is Slavophile. Being absolutely monarchical, he regards Russia, headed by an Orthodox emperor, as the heiress of Byzantium, endowed with a special messianic status. The third image is Eurasian (P. N. Savitsky, N. S. Trubetskoy). It represents the image of a "reassembled" empire that underwent profound changes as a result of the revolution. The Eurasians are moving away from the image of the universal empire to the image of a self-sufficient "mainland state" preserving its original civilization based on Orthodoxy. At the same time, they actively use the Slavophile category of conciliarity, transferring it from the sphere of theology to national and cultural policy.

The Eurasians proclaim the fundamental equality of national cultures and their unity in cathedral Russia.

Discussion and Conclusions. The authors of the study managed to conduct a systematic and full-fledged historical and philosophical analysis of the evolution of the image of the empire in the Russian historiosophical consciousness, from Slavophiles to Eurasians. The authors managed to carry out a comprehensive and systematic historical and philosophical analysis of the three main images of the empire of the European, Byzantine and Eurasian.

Keywords: empire, Eurasians, historiosophy, national idea, Slavophiles, Orthodoxy, Europe, conciliarity, Byzantinism

For citation: Semikopov D. V., Zakhriapin A. A., Lebedev I. A. The image of the empire in the russian historiosophical consciousness: from slavophiles to eurasians // Vestnik of Minin University. 2023. Vol. 11, no. 4. P. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-4-12.

Введение

Существует множество определений понятия «империя», равно как и классификаций империй, существовавших в истории человечества. В нашей статье мы оперируем теми представлениями об империи, которые сложились в европейской и русской политических традициях к концу XIX – началу XX века. То есть это представления о европейской колониальной империи капиталистического (модерного) типа. Нет смысла рассматривать десятки определений того, что же такое империя, равно как и уходить вглубь веков ко временам Цезаря и Октавиана Августа в поисках значения латинского слова «*impero*». Империй было много, на любой вкус, но в политическом сознании XIX века империя – это «политическая система, объединяющая под началом жёсткой централизованной власти гетерогенные этнонациональные и административно-территориальные образования на основе отношений «метрополия – колонии», «центр – провинция», «центр – национальные республики и окраины»» [5, с. 9]. При этом имперский центр экономически эксплуатирует колонии и стремится к расширению их числа, что приводит к появлению такого феномена, как империализм. Парад империй и борьба за колонии привели к Первой мировой войне, которая большую часть этих империй и похоронила. Собственно, Первая мировая война и будет для нас точкой отсчёта.

Обзор литературы

Анализ эволюции образа империи в русском историософском сознании неоднократно становился предметом исследования ряда авторов. Большинство из них останавливаются подробнее на каком-то отдельном аспекте рассматриваемой темы.

Р. В. Светлов останавливает свое внимание на том образе империи, который сложился у представителей «цивилизационной теории», в частности у Н. Данилевского и К. Леонтьева. Подчеркивается, что имперская форма воспринимается здесь как одна из «технологий» противостояния прежде всего Западному миру, при этом утрачивалась связь «империума» с собственно русской почвой.

В монографии Л. Е. Шапошникова, О. В. Парилова и С. Н. Пушкина «Проблема соотношения общечеловеческого и национального в истории русской мысли» проводится историко-философский анализ зарождения и эволюции национального самосознания с периода Средних веков до модерна. Отдельное внимание уделяется образу Русской империи, которая имеет самобытный путь исторического развития. По мнению исследователей, золотой серединой является евразийский вариант развития Российского государства.

Отдельного внимания заслуживают также исследования В. М. Лурье, А. К. Толстенко, Р. Р. Вахитова.

Анализ данных исследований позволяет прийти к выводу, что проблема эволюции образа империи в русском историософском сознании является дискуссионной, недостаточно изученной и требует комплексного подхода к решению.

Материалы и методы

Основным материалом представленного исследования являются работы следующих авторов: Л. Е. Шапошников, О. В. Парилов, С. Н. Пушкин, В. М. Лурье, А. К. Толстенко, Р. Р. Вахитов. В данной статье использовались следующие методы: системный анализ, философский анализ, интерпретация, сравнение и синтез.

Результаты исследования

Российская империя претендует на звание мировой державы «имперского характера», начиная с эпохи императора Петра, который осуществил радикальную цивилизационную трансформацию традиционного средневекового Московского царства, находившегося весь XVII век в состоянии перманентного кризиса, выразившегося сначала в Смуте, а потом и в Старообрядческом расколе. Петровские реформы порождают культурный разрыв в коллективной памяти русского народа, одновременно формируя новые сословные границы на основе перемалываемого ими традиционного сообщества. Именно в рамках образованного дворянского сословного сознания уже в XIX веке формируется имперское самосознание как ответная рефлексия на исторические преобразования.

В первой половине XIX века Россия становится мощнейшей абсолютистской монархией в Европе или, во всяком случае, ощущает себя таковой. Одним из выражений этого ощущения была знаменитая концепция С. С. Уварова, нашедшая своё воплощение в формуле: «Православие, самодержавие, народность» [7, с. 2-11]. Самым слабым и непонятным звеном в этой формуле была категория «народности», которая, в отличие от православия и самодержавия, была не столь очевидна и не имела свойственных первым двум категориям свойств монолитности и единства. Действительно, не вдаваясь в подробности, империю можно определить как многонациональное государство, объединяющее очень часто не только разные культуры, но и разные цивилизации. Так, в состав российской империи была включена часть Польши, которая принадлежала к другому, европейскому цивилизационному типу. При этом Польша стала одной из самых проблемных областей, явно не вписывающихся в уваровскую триаду. Национальные разногласия в восточных областях империи не были в ту эпоху ярко выражены, но и принадлежность населения этих земель к некоей единой «народности» вызывала сильные сомнения. Еще больше недоумений возникало относительно народов Кавказа. Поэтому очевидно, что под «народностью» С. С. Уваров подразумевал прежде всего русский народ (включая малороссов и белорусов). Но и единство русского народа

было под сомнением из-за резко очерченных сословных границ, порождающих и разницу коллективных интересов и сознаний.

Очевидно, что концепция «народности» была попыткой ассимиляции сформированного Просвещением понятия гражданской нации, которая в России, по мнению С. С. Уварова, должна была быть подчинена самодержавному и православному началу. То есть фактически была поставлена задача формирования единой русской нации на основах самодержавной государственности и православной веры. Таким образом, мы видим формирование концепции национальной империи или проекта русского имперского национализма, где нация – это политическое сообщество, имеющее определенные критерии вхождения, в частности, принадлежность к русской культуре, православной традиции и признание самодержавной власти.

Самый характерный пример продолжения подобного проекта – политическая мысль известного московского публициста М. Н. Каткова. В его системе взглядов самодержавное государство и нация тесно связаны между собой. Всякий подданный российской империи – русский, к какой бы этнической группе он ни принадлежал. Государство – сущность, национальность – качество. Нация не могла существовать без и вне государства. Племена, не облекшиеся в форму государства, были обречены на распад. Государства могли возникать на основе множества племен, но только если среди них присутствовал преобладающий элемент, который становился национальной основой. Следовательно, необходима была господствующая этническая группа, способная объединять другие. М. Н. Катков не говорил о необходимости ассимиляции, народности могли сохранять язык, верования. Но нация, ставшая таким интегрирующим элементом, давала государству название, государственный язык и религию. Если национальная доминанта отсутствовала, государство неизбежно ждал распад, именно по границам народностей, претендующих на статус наций. Религиозное единство для М. Н. Каткова не было значимым критерием. Католик-белорус или униат-украинец в его политической системе тоже русские. При этом М. Н. Катков был категорическим противником любых национальных автономий, вроде Польши или Финляндии. М. Н. Катков не отрицал полиэтничности, но он её выводил из области политического, оставляя ей культурно-бытовую сферу. Катков был консерватором и охранителем, пытавшимся подморозить ход истории подобно Победоносцеву [14, с. 151].

Другая имперская модель разрабатывается в рамках славянофильской традиции и порожденного ею византизма, опирающегося на конфессиональный критерий. В рамках славянофильства вводится новая категория соборности как единства во множестве, противостоящего западному индивидуализму, возрождается интерес к концепции «Москва – Третий Рим» и *translatio imperii* (Ф. И. Тютчев) [15, с. 39].

Славянофильство, как и империализм Ф. И. Тютчева, было интеллектуальной реакцией на события Крымской войны, объединившей Европу против России. Рассыпалась утопия «Священного союза», выстраиваемая императором Александром I, и русская элита, несмотря на своё европейское самосознание и образованность, почувствовала, что для Европы ни она (эта элита), ни сама Россия Европой не являются, что привело к поиску своих, самобытных и альтернативных, цивилизационных начал, опровергающих европейский снобизм о варварской вторичности России по отношению к передовому Западу. В славянофильстве таким цивилизационным началом становится православная вера и вытекающий из неё принцип соборности как органического единства во множестве.

При этом о самом православии у ранних славянофилов были далеко не самые ясные представления, т. к. они не знали корпуса творений византийских отцов и не имели

систематического богословского образования. Тот же А. С. Хомяков заимствовал свои представления о греческой традиции из трудов западных церковных историков, а отечественное духовное академическое образование пребывало в плену схоластики и только начало переходить на национальную основу.

И. В. Киреевский одним из первых начинает говорить о Византии как о духовной родине русской культуры и обращается к опыту святых отцов византийской традиции, содействуя их переводу в Оптиной пустыни.

А. С. Хомяков формулирует принцип соборности как органического единства во множестве, в своих богословских работах, имеющих еkkлeзиологическую направленность. Хотя сам термин «соборность» впервые встречается в посмертных отечественных публикациях теологических брошюр А. С. Хомякова, переведенных на русский Ю. Ф. Самариным, который, видимо, и является прямым автором термина [4, с. 88]. Ю. Ф. Самарин, в свою очередь, очень интересовался православной традицией в связи с её взаимодействием и противостоянием западным вероисповеданиям, свидетельство чему – его диссертация, посвященная богословию Стефана Яворского и Феофана Прокоповича.

Общая интенция славянофильства была в том, что Российская империя не часть европейского мира, а некая противостоящая ему сила, имеющая истоки своей духовной и политической культуры в православной традиции. Как преемница Византии, Россия мыслилась как центр зарождающегося славянского содружества с Россией во главе. Наиболее полно эта мысль была выражена Н. Я. Данилевским, сформулировавшим в её рамках новый цивилизационный подход в труде с характерным названием «Россия и Европа».

От славянофильства был один шаг до византизма, который и был сделан в творчестве К. Н. Леонтьева, провозгласившего византийское начало доминирующим в русской культуре, причем, с его точки зрения, Россия унаследовала два цивилизационных столпа – православную веру и самодержавие. На этих столпах основана и русская цивилизация, которая должна противостоять либеральному Западу, пытающемуся уничтожить культурное многообразие мира, для чего она должна вступить в наследственные права Византии, освободив Константинополь и объединив Азию в противостоянии Европе.

Интересна в этом контексте и империалистическая позиция Ф. М. Достоевского, считавшего, что миссия России, начавшись в Константинополе, должна закончиться хилиастическим объединением всего человечества.

Таким образом, к началу XX века среди сторонников имперской идеи в России условно можно было выделить два лагеря: либеральный и славянофильский. И те, и другие мыслили Россию империей, имеющей справедливые претензии на мировое господство. При этом либералы считали Россию европейской державой, а славянофилы видели в России особую, отличную от Европы, цивилизацию, оригинальность которой связана с православной традицией. Россия – катехон, а не одна из многих держав. В сущности, она единственная истинная империя. Ясно, что данная картина написана широким мазком, и при детальном рассмотрении появляются любопытные нюансы, но данную имперскую парадигму разделяли и славянофилы, и их последователи в лице ряда русских религиозных философов Серебряного века.

Национальное просвещение содействовало размытию сословных границ и нарастанию либеральных и революционных противоречий, сопровождающихся преобразованием сословий в современные классы. Под влиянием русского национализма и в противостоянии с ним формируется и национализм других народов, составляющих империю. Индивидуализм

частный и индивидуализм национальный неизбежно возникают при переходе к обществу модерна.

В результате русский имперский национализм трансформируется в либеральный имперский национализм. Показателен в этом плане империализм таких популярных политических публицистов начала XX века, как П. Б. Струве и М. О. Меньшиков. Одного из них можно назвать лидером русских либералов, а другого – русских националистов. В национал-либеральной концепции П. Б. Струве Российская империя включает в себя множество народов при культурном господстве (но не обязательно политическом) русского национального ядра. Именно это ядро ответственно за имперскую экспансию. «Расширение империи имеет вполне чёткую цель – оно должно нести некую великую миссию. Имперская миссия отличается от экспансионистских задач, осуществляемых государствами другого типа, тем, что она является благородной и обоюдовыгодной: несёт благо, прогресс и цивилизацию завоёванным странам и народам, – и в то же время жизненно необходима самой империи и её движущей силе – национальному ядру. Миссия нужна империи, чтобы оправдать свою силу перед более слабыми народами и государствами, миссия – это проекция её силы» [12, с. 133]. Фактически это традиционная концепция империи капиталистического европейского типа со свойственной подобным империям империализмом.

Концепция М. О. Меньшикова иная. Он выступает против многонационального и поликультурного принципа формирования империи. С его точки зрения, русское национальное ядро призвано не объединять другие народы, а действовать в собственных интересах, аккумулируя внутри себя национальную силу. Экспансия в его системе вовсе не обязательная. Можно даже отказаться от каких-то автономных национальных окраин в пользу укрепления внутренних ресурсов русского народа. При этом и М. О. Меньшиков, и П. Б. Струве выступают за конституционную монархию и отказ от принципов абсолютизма и самодержавия.

Славянофильская традиция была верна монархии до конца. Наверное, одним из самых ярких примеров имперского славянофильства эпохи Первой мировой войны является мысль В. Ф. Эрна, напечатавшего в начале войны ряд статей, исполненных самого милитаристского и империалистического содержания. Так, он с одобрением цитировал того же Ф. М. Достоевского: «Константинополь должен быть наш не с одной только точки зрения знаменитого порта, пролива, «средоточия вселенной», «пупа земли»; не с точки зрения давно осознанной необходимости такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов» [3, с. 67]. То есть у России – всемирное имперское призвание и не просто имперское, а империалистическое, связанное с военной экспансией. Этот империализм объединял славянофилов с либералами, пример чему – П. Н. Милюков, который и во Временном Правительстве продолжал отстаивать лозунг: «Константинополь должен быть наш!».

Но 1917 год нанес серьёзный удар по сторонникам имперской идеи. Российская империя пала, а на её территории рождается новое государственное образование – СССР. Был ли Советский Союз империей? Вопрос, целиком зависящий от того, как мы империю определяем. В рамках теории марксизма образ империи воспринимается негативно, т. к. он связан с колонизацией, империализмом, эксплуатацией и т. д., то есть теми антигуманными явлениями, которые в большей степени характерны для капитализма. В первые десятилетия советской власти идёт постоянная борьба с имперским ядром, а именно великорусским шовинизмом, все ресурсы направляются не в центр, а из центра в национальные окраины,

которые срочно начинают развивать и модернизировать. Всё это прямо расходится с традиционной имперской парадигмой. Вместе с тем Советский Союз – жесткая политическая система, объединяющая разные культурно-национальные общности, а поэтому он может быть назван и империей, но только империей нового типа, не характерного для капитализма.

Именно так Советский Союз и был воспринят в философии евразийства. Продemonстрируем этот феномен на примере мысли Петра Савицкого, одного из самых последовательных евразийцев, уделявшего большое внимание теории империи и в свой либеральный, и в свой евразийский период. В годы Первой мировой войны, будучи учеником П. Б. Струве, он развивал классическую национал-либеральную теорию империи. Как отмечает исследовавший эволюцию взглядов П. Савицкого современный исследователь евразийства Р. Р. Вахитов, «доводя мысли Струве до завершения, Савицкий дает четкие формулировки понятий «империя» и «империализм». Империя – это многонациональное образование, которое имеет ядро – империообразующую нацию и периферию – империализируемые нации. Империообразующей является великая европейская нация, которая в ходе своего культурного, политического и экономического развития доросла до создания национального государства с демократической формой правления и такой «передовой» формы хозяйствования, как торговый и банковский капитализм. Империализируемыми являются неевропейские, «отсталые» нации, не имеющие национальных государств и высокоразвитой экономики. Империализм есть расширение национального государства за свои границы и подчинение других народов» [2, с. 85-86]. С точки зрения либерала П. Савицкого, Первая мировая война должна была разделить сферы влияния мировых империй, но произошло нечто прямо противоположное, превратившее Савицкого-либерала в Савицкого-евразийца. Большая часть империй, вступивших в войну, была уничтожена, Российская империя закончила свою историю самоубийственной для неё революцией.

Переходу П. Савицкого в евразийство содействовало знакомство с князем Н. С. Трубецким и его работой «Европа и человечество». Н. С. Трубецкой провозгласил все культуры мира равноценными и самодостаточными, из чего следовала невозможность переноса или усвоения чуждой данному народу культуры. Если такой культурный трансфер и мог произойти, то только с ущербом для воспринимающей культуры. В силу этого Европа, осуществляющая всемирную экспансию, представляет цивилизационную угрозу для всех других культур. «Последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать злом, а не благом» [13, с. 97]. При этом Н. С. Трубецкой верит, что противостояние Западу возможно, и эту его веру разделил и П. Савицкий, увидевший в молодом советском государстве пример того, что Европе можно противостоять.

Не вдаваясь в подробный разбор, процитируем те выводы, к которым приходит в своей статье Р. Вахитов, анализируя рецензию П. Савицкого на труд Н. С. Трубецкого: «Таким образом, в «Европе и Евразии» Савицкий выдвигает несколько фундаментальных идей:

- 1) западные философия, наука, политические и экономические идеи, институты права и экономики не являются общечеловеческими, универсальными ценностями, они приспособлены лишь к особенностям народов Европы, будучи перенесенными в жизнь других неевропейских народов, они несут им только вред, делают их слабыми и беззащитными перед агрессией европейской цивилизации;

- 2) европейская наука и техника представляют собой общечеловеческую, универсальную ценность, которая может и должна быть воспринята всеми народами, которые борются против экспансии Запада;

3) не все неевропейские народы обладают высоким уровнем жизненной энергии, чтобы противостоять влиянию Запада; русские и большинство других народов России относятся к таким народам;

4) Россия не является европейской страной ни в географическом, ни в культурном плане, русские, как и другие народы России, не принадлежат к европейской цивилизации и в последние несколько столетий подвергались насильственной европеизации. Россия призвана и может стать лидером в восстании «человечества» против гегемонии Европы;

5) русская революция, несмотря на западническое происхождение большевизма, показала внутреннюю силу России и готовность стать одной из мировых империй» [2, с. 91-92].

Вышеозначенная рецензия «Европа и Евразия» была опубликована в 1921 году. Нет сомнений, что и книга Трубецкого, и статья Савицкого были реакцией на закончившуюся Гражданскую войну и формирование нового советского государства. Сам факт того, что Россия не распалась и при этом превратилась в некий альтернативный по отношению к западному мейнстриму проект, был для евразийцев удивителен. Это приводит их к разработке концепции будущей евразийской империи, которая должна возникнуть после ухода советской власти. Системно эти взгляды выражаются в манифесте Савицкого «Евразийство», который был опубликован в 1925 году и стал выражением коллективной позиции евразийцев.

В этом манифесте заявляется следующее:

1. Евразия – новое государство-материк, отличный как от Европы, так и от Азии, но испытывавший влияние как со стороны Юга (Византия), так и со стороны Востока (Монгольская империя) и Запада (Европа).

2. Русская культура имеет в своей основе «евразийское» своеобразие и решительно противостоит европоцентризму. «Дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных»» [6, с. 87].

3. Евразийство отрицает концепцию универсального «прогресса», ведущего к торжеству экономического и политического материализма.

4. «Здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом» [6, с. 90]. При этом евразийцы не настаивают на конкретных конституционно-правовых формах, равно как и допускают отделение церкви от государства. Но государство должно осознавать свою служебную роль по отношению к религиозному началу.

5. При этом евразийцы декларируют торжество соборного начала, которое утверждается православием. Соборное начало должно стать основой нового общества. «Верующая личность должна быть соборна» [6, с. 90].

6. Евразийцы принципиально уходят от противопоставления «левые» и «правые». Они не догматизируют социально-экономические отношения, считая, что хозяйственная деятельность – инструмент, и её формы не нуждаются в догматизации.

В более поздней работе «Евразийство как политический замысел» евразийцы даже провозглашаются сторонниками плановой экономики. «Возобладание планового хозяйства означало бы возведение социальной жизни на новую, высшую ступень. Эту возможность евразийцы толкуют религиозно. Они видят в ней раскрытие природы человека как образа и подобия Божия, выражающееся во внесении космического лада в хаос отдельных, на этот раз экономических, фактов» [6, с. 105].

Обсуждение и заключения

Таким образом, мы можем говорить о трансформации исторического образа империи в русской интеллектуальной традиции. С одной стороны, мы видим развитие классического западного империализма, в рамках которого Российская империя воспринимается как одна из европейских держав, претендующих на свой кусок «мирового пирога». Этот образ вполне логично меняется от абсолютистско-самодержавного к либерально-национальному.

Второй образ империи возникает в творчестве Ф. И. Тютчева и ранних славянофилов и наследуется русской религиозной философией. Российская империя – наследница Византии, имеющая уникальную вселенскую православную миссию. При этом образ удерживающего (катехона) не отменяет возможности имперской экспансии, а даже требует её, особенно в отношении Константинополя и других некогда византийских территорий. Это образ безусловно монархический, требующий православного императора во главе государства.

Наконец, третий образ – евразийский. Это образ «пересобранной» империи, прошедшей глубинные изменения в результате революции. Евразийцы уходят от образа вселенской империи к образу самодостаточного «государства-материка», сохраняющего свою самобытную цивилизацию, основанную на православии. При этом они активно используют славянофильскую категорию соборности, перенося её из сферы богословия в национальную и культурную политику. Евразийцы провозглашают принципиальное равенство национальных культур и их единство в соборной России. При этом сама форма государственности, равно как и экономическое устройство у них играют инструментально-прикладную роль, следовательно, они допускают и либеральные формы правления, и социалистическую плановую экономику, не отрицая и возможности монархического устройства.

Список использованных источников

1. Боханов А. Н. Российская Империя. Образ и смысл. Москва: ФИВ, 2020. 592 с.
2. Вахитов Р. Р. П. Н. Савицкий: от национал-либеральной к евразийской теории империи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 4. С. 79-95.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Ленинград: Наука, 1983. 472 с.
4. Лурье В. М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2020. № 1. С. 72-88.
5. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. Москва: Московский коммерческий университет, 1993. С. 119.
6. Савицкий П. Континент Евразия. Москва: Аграф, 1997. 464 с.
7. Семикопов Д. В., Захряпин А. А. Европа как «другой» русского историософского сознания: от средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, № 1 (34).
8. Светлов Р. В. Цивилизационные модели описания Российской империи в отечественной и западной философии истории // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. № 4. С. 272-283.
9. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Москва: Праксис, 2004. 464 с.
10. Соловьев А. В. «Святая Русь» (очерк развития религиозно-общественной идеи) // Сборник русского археологического общества в Королевстве СХС. Белград, 1927. С. 77-113.
11. Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. Москва: АСТ, 2011. 542 с.

12. Толстенко А. К. «Национальная империя» Петра Струве и Михаила Меньшикова // Вопросы национализма. 2012. № 1 (9). С. 130-139.
13. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. Москва: Прогресс, 1995. 800 с.
14. Холмогоров Е. С. Национализм центростремительного движения. Политическая метафизика Михаила Каткова // Тетради по консерватизму: альманах. № 3. Москва, 2018. 434 с.
15. Шапошников Л. Е., Парилов О. В., Пушкин С. Н. Проблема соотношения общечеловеческого и национального в истории русской мысли. Нижний Новгород: Мининский университет; Москва: ФЛИНТА, 2020. 324 с.
16. Berlin I. Russian Thought and the Slavophile Controversy // The Slavonic East European Review. 1981. Vol. 59, no. 4. Pp. 572-586.
17. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1992. 604 p.
18. Hingley R. The Russian Mind. The Bodley Head, London, 1977. 248 p.

References

1. Bohanov A. N. Russian Empire. Image and meaning. Moscow, FIV Publ., 2020. 592 p. (In Russ.)
2. Vahitov R. R. P. N. Savitsky: from the national liberal to the Eurasian theory of empire. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2011, no. 4, pp. 79-95. (In Russ.)
3. Dostoevskij F. M. Complete works: in 30 volumes. Vol. 25. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 472 p. (In Russ.)
4. Lur'e V. M. "Conciliarity": the emergence of the term and concept in the works of Pseudo-Khomyakov. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii*, 2020, no. 1, pp. 72-88. (In Russ.)
5. Political science: Encyclopedic dictionary / general. ed. and comp. Yu. I. Averyanov. Moscow, Moskovskij kommercheskij universitet Publ., 1993. P. 119. (In Russ.)
6. Savickij P. Continent of Eurasia. Moscow, Agraf Publ., 1997. 464 p. (In Russ.)
7. Semikopov D. V., Zahryapin A. A. Europe as the "other" of Russian historiosophical consciousness: from the Middle Ages to modernity. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2021, vol. 9, no. 1 (34). (In Russ.)
8. Svetlov R. V. Civilization models for describing the Russian Empire in Russian and Western philosophy of history. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*, 2021, no. 4, pp. 272-283. (In Russ.)
9. Smit E. Nationalism and Modernism: A Critical Review of Modern Theories of Nations and Nationalism. Moscow, Praksis Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
10. Solov'ev A. V. "Holy Rus" (essay on the development of religious and social ideas). *Sbornik russkogo arheologicheskogo obshchestva v Korolevstve SKHS*. Belgrad, 1927. Pp. 77-113. (In Russ.)
11. Solovej T. D., Solovej V. D. The failed revolution: Historical meanings of Russian nationalism. Moscow, AST Publ., 2011. 542 p. (In Russ.)
12. Tolstenko A. K. "National Empire" by Pyotr Struve and Mikhail Menshikov. *Voprosy nacionalizma*, 2012, no. 1 (9), pp. 130-139. (In Russ.)
13. Trubeckoj N. S. History. Culture. Language. Moscow, Progress Publ., 1995. 800 p. (In Russ.)
14. Holmogorov E. S. Nationalism of centripetal movement. Political metaphysics of Mikhail Katkov. *Tetradj po konservatizmu: al'manah. No. 3*. Moscow, 2018. 434 p. (In Russ.)

15. SHaposhnikov L. E., Parilov O. V., Pushkin S. N. The problem of the relationship between universal and national in the history of Russian thought. Nizhny Novgorod, Mininskij universitet Publ., Moscow, FLINTA Publ., 2020. 324 p. (In Russ.)
16. Berlin I. Russian Thought and the Slavophile Controversy. *The Slavonic East European Review*, 1981, vol. 59, no. 4, pp. 572-586.
17. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1992. 604 p.
18. Hingley R. The Russian Mind. The Bodley Head, London, 1977. 248 p.

© Семикопов Д. В., Захряпин А. А., Лебедев И. А., 2023

Информация об авторах

Семикопов Даниил Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, заведующий филиалом ГБУК НО НГИАМЗ «Исторический парк «Россия – моя история»», Нижний Новгород, Российская Федерация, semydan@gmail.com

Захряпин Александр Алексеевич – магистр богословия, магистр педагогики, администратор филиала ГБУК НО НГИАМЗ «Исторический парк «Россия – моя история»», Нижний Новгород, Российская Федерация, repena@mail.ru

Лебедев Илья Андреевич (иерей) – магистр теологии, директор, Епархиальный центр подготовки церковных специалистов, настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы с. Акулево Чебоксарского района, Чебоксары, Российская Федерация, i-lebedev86@mail.ru

Information about the authors

Semikopov Daniil V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, head of the branch of the State Budgetary Educational Institution NO NGIAMZ "Historical Park "Russia – My History"", Nizhny Novgorod , Russian Federation, semydan@gmail.com

Zakhryapin Alexander A. – Master of Theology, Master of Pedagogy, administrator of the branch of the State Budgetary Educational Institution NO NGIAMZ "Historical Park "Russia – My History"", Nizhny Novgorod, Russian Federation, repena@mail.ru

Lebedev Ilya A. (priest) – Master of Theology, Director, Diocesan Center for Training of Church Specialists, Rector of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary, Akulevo, Cheboksary district, Cheboksary, Russian Federation, i-lebedev86@mail.ru

Поступила в редакцию: 26.09.2023

Принята к публикации: 20.12.2023

Опубликована: 29.12.2023